

Г. В. Зыкова

ГРОЗНЫЙ СОН ДВОРЦОВ: ПОСЛАНИЕ «ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ» ЖУКОВСКОГО И «ВОЛЬНОСТЬ» ПУШКИНА

Как известно, русская поэзия первой трети XIX века оперировала разработанным и устойчивым словарем поэтических образов. Позднейшему исследователю поэтому бывает сложно определить, что перед ним – переключки конкретных текстов или просто использование «общего достояния».

Насколько нам известно, послание Жуковского «Императору Александру» практически не рассматривалось как литературный фон пушкинской «Вольности», хотя связи ранней лирики Пушкина с другими текстами Жуковского были – в том числе и в новейшей научной литературе – предметом пристального профессионального внимания¹. В комментариях к последнему ПСС послание Жуковского упоминается вскользь, и то только как идеологически сопоставимое с «Вольностью» (притом что в этих комментариях, очень подробных, по возможности фиксируются все замеченные реминисценции):

И Славы роковая страсть. – Речь идет о военной славе. <...> Философия Просвещения устанавливала прямую связь между деспотическим правлением, «рабством» народа и стремлением к завоеваниям. <...> Эта проблема получила особую актуальность в результате осмысления войны 1812 г. – ср. ее постановку, например, в хорошо известном Пушкину послании Жуковского «Императору Александру» (1814): к Наполеону стала применяться и обычная для просветительской традиции оценка великого полководца как великого преступника².

Между тем в послании Жуковского есть, как нам кажется, по крайней мере, один фрагмент, который отозвался в «Вольности» почти буквально – не рискуем сказать, что именно как *осознанная* реминисценция. Пушкинские слова о Михайловском замке:

¹ См. прежде всего статью, посвященную хронологически ближайшему материалу: Федоров Ф. Жуковский в поэтическом сознании Пушкина: год 1818 // Пушкинские чтения в Тарту: материалы междунар. науч. конф., 18–20 сент. 1998 г. Тарту, 2000. Вып. 2. С. 25–42; у того же автора есть исследования об отсылках к текстам Жуковского в поэзии Пушкина двадцатых годов.

² Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 494.

...грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец –

удивительно похожи на следующий фрагмент в послании Жуковского:

Давно ль одряхший мир мы зрели в мертвом сне?
Там, в прорицающей паденье тишине,
Стояли царствия, как зданья обветшалы;
К дремоте преклоня главы свои усталы,
Цари сей грозный сон считали за покой...

Разница, конечно, есть, и прежде всего в том, что у Жуковского «грозный сон» встроен в сравнение, а у Пушкина это часть буквального описания. Но общего, притом такого, которое, насколько мы знаем, вполне уникально, – больше. Нередко встречающееся выражение «грозный сон» (или грамматически иные случаи сочетания слов с этими корнями) обычно означает «страшное (пророческое?) сновидение»; у Жуковского и Пушкина – «некто, угрожающий и тогда, когда он спит, или тем самым, что он спит»³. Причем это переосмысленное клише и Жуковский, и Пушкин используют тогда, когда говорят о похожих вещах: о потрясающих царства катастрофах – хотя и разных, но примерно об одном и том же историческом времени.

Такая близость двух фрагментов из послания Жуковского и «Вольности» побуждает поискать и другие совпадения. И действительно, некоторые другие места в «Вольности» также позволяют предполагать прямую контактную связь (если только для стихов Пушкина и Жуковского нет какого-то третьего, может быть иноязычного, источника). Ср., например, лексико-грамматические конструкции:

Везде неправедная *Власть*
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И *Славы роковая страсть*

и

...Мрачная, с кровавым взором, *Сила*⁴
На гряде падших царств *воссела, страж царей...*

³ Вообще изменение значения устойчивого словосочетания (или смысловых связей лексем (или корней), часто встречающихся рядом в пространстве поэтического текста) – явление, распространенное в поэтическом языке первой трети XIX века. Позволим себе сослаться здесь на собственную статью: *Зыкова Г. В. О трансформации штампа в русской поэзии // Вестник Московского университета. Серия: Филология. 1993. № 1. С. 75–80.*

⁴ Конечно, это дело обычное для высокого стиля, не определяющее индивидуальной манеры, и все-таки заметим, что олицетворение отвлеченных понятий, частое в «Вольности» (еще П. В. Анненков требовал печатать соответствующие существитель-

Возможно, знаменитое обращение «Восстаньте, падшие рабы!» восходит к «...цепи в прах! воскресните, народы!..».

И конечно, «Вольность» объединяет с посланием «Императору Александру» использование определенных поэтических и риторических клише и приемов, принадлежащих общему языку эпох; конечно, сами по себе эти клише не могут свидетельствовать о влиянии Жуковского на Пушкина, однако в совокупности с возможными реминисценциями они усиливают сопоставимость текстов. Так, например, говоря о Наполеоне, и Жуковский, и Пушкин используют прямое соответствие французскому *la Terreur*; у Пушкина «Ты ужас мира», у Жуковского это варьируется многократно:

...великан,
Питомец ужасов, безвластия и брани,
Воздвигся...
И взорами на мир ужасно засверкал –
И пред *страшилищем* весь мир затрепетал.

..Все, раболепствуя мечтам тирана, дань
К его *ужасному* престолу приносило...

...И в пепле мщенья Свобода ожила,
И при свертании кремлевского пожара,
С развалин вставшая, призрак ужасный, Кара
Пошла по трепетным губителя полкам
И, *ужас* пригвоздив к надменным знаменам,
Над ними жалобно завывала: горе! горе!..

Возможно, к общему фонду даже не литературных, а идеологических клише принадлежит характеристика Наполеона как «самовластительного злодея»; она есть и у Жуковского:

И беспощадною косою подсекало
Самовластительство прекрасный цвет людей...

У Пушкина «скованные галлы» – первая жертва «самовластительного злодея», у Жуковского про Наполеона говорится:

На первый свой народ он двинул рабства плен,
Чтобы смелей сковать чужим народам длани...

ные в «Вольности» с прописных букв – к середине XIX в. этот старинный прием уже был вполне забыт), неоднократно встречается и в послании Жуковского:

И промысл, утаясь, послал к нему свой *Страх*...
И грозно в бой пошла с *Насилием Свобода!*..
...Впреди, в тылу, с боков и рядом *Страх* бегит
И жадною рукой *Погибель* их хватает...

Отметим еще очень частое в разговоре об исторических событиях *народы*: в «Вольности» несколько раз, у Жуковского, напр..

Народы ликовать стекались толпами,

разработанные аллегорические жесты – действия с «порфирой» или «багрянницей»; у Пушкина:

И се – злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

У Жуковского в его гораздо более пространным тексте подобное встречается многократно:

...Порфиры всех царей земных я раздеру
И все их скипетры в одной руке сберу...
...Он распростер на них пощады багрянницу...
...И Людовикова наброшена порфира
На преступления минувших страшных лет!..
Где царский мученик под острием секиры,
В виду разорванной отцев своих порфиры,
Молил всевышнего за бедный свой народ,
Где на дымящийся убийством эшафот
Злодейство бледную Свободу возводило...

В последнем фрагменте послания Жуковского заметим ожидаемое, но совпадающее с пушкинским обозначение Людовика как «мученика».

Мы вовсе не хотим сказать, что употребленное в «Вольности» одическое восклицание «И се» восходит непосредственно к посланию Жуковского, но отметим, однако, что это «И се» встречается дважды:

И се!.. подымется спасения сосуд...
И се!.. прикинувший к престола ступеням
Во прах пред Божеством свою бросает славу!..

Возможная связь с посланием «Императору Александру» способна объяснить и присутствующий в «Вольности» несколько странный для оды образ автора – «задумчивого певца»; кроме общих ассоциаций с лирикой Жуковского, которые вызывают эти слова, они могут соотноситься и с посланием «Императору Александру»:

Когда летящие отвсюду шумны клики,
В один сливаясь глас, тебя зовут: великий!
Что скажет лирою незнаемый певец?..

Сильное впечатление, которое произвело на Пушкина послание Жуковского, отразилось, позволим себе осторожно предположить, и в некоторых других текстах Пушкина, в том числе существенно более поздних. Так, Наполеон у Жуковского говорит о себе:

Бессмертною моя останется могила...

В пушкинской оде «Наполеон»:

Великолепная могила...
И луч бессмертия горит.

Конечно, этот оксюморон может у обоих русских поэтов восходить и к античному «бессмертная смерть», быть воспроизведением общего места⁵.

В пушкинском «Нет, я не льстец, когда царю / Хвалу свободную слагаю...», может быть, отразилось – трудно сказать, насколько сознательно – следующее место из послания «Императору Александру»:

...О дивный век, когда певец царя – не льстец,
Когда хвала – восторг, глас лиры – глас народа...

Здесь общие ведь не только мысли, а опорные слова: *царь – хвала – льстец*. (Ср., кстати, также: «глас лиры – глас народа» и пушкинское «И неподкупный голос мой / Был эхо русского народа».)

Если считать, по крайней мере, некоторые из отмеченных нами выше сходных черт не случайными и, считая реминисцентным образ «грозно спящего» Михайловского замка в «Вольности», позволить себе увидеть в пушкинской оде нечто вроде реплики в диалоге с Жуковским, этот пушкинский ответ можно признать, упрощенно говоря, отчасти полемическим.

Возможность «учить царей» предполагалась еще и старой русской одой; у Жуковского

...наш Петр, царей земных учитель...

и сам поэт обращается к Александру как своего рода учитель, используя глаголы в повелительном наклонении:

Вонми ж и ты своей семье, Благословенный!
Оставь на время твой великолепный трон –
Хвалой неверною трон царский окружен, –
Сокрой свой царский блеск, втеснись без украшения,
Один, в толпу, и там внимай благословенья...

...О царь, не скипетром блистающая длань,
Не прахом праотцев дарованная сила
Тебе любовь твоих народов покорила,

⁵ Кстати, оксюморон вообще как действенный прием воспринимается позднейшими читателями скорее как характерная черта именно пушкинского стиля; между тем Жуковский использует этот ход тоже очень активно; в послании см., например, такое описание смерти Кутузова:

Он весело принял седины на щит...

Но трона красота – великая душа.
Бессмертные дела смиренно соверша,
Воззри на твой народ, простертый пред тобою,
Благослови его державною рукою;
Тобою предводим, со славой перешед
Указанный творцом путь опыта и бед,
Преобразованный, исполнен жизни новой,
По манию царя на все, на все готовый –
Доверенность, любовь и благодарность он
С надеждой перед твой приносит царский трон.
Предстатель за царей народ у провиденья.
О! наши к небесам дойдут благословенья:
Поверь народу, царь, им будешь счастлив ты.

В этом смысле пушкинская «Вольность» отчасти продолжает послание Жуковского; но на фоне разнообразно проявляющегося образного, стилистического и отчасти даже идеологического сходства двух стихотворений особенно резок контраст тона и самого содержания поучений.